

исправлений хотя бы наиболее скандальных несообразностей итальянской версии.

Читая публикации И. Фолетти, трудно избавиться от впечатления, что Никодим Павлович, в благодарность за публикацию рукописи его книги, обязан безотказно обслуживать интересы Фолетти. Конечно, мы далеки от мысли, что абсолютно все работы Фолетти о Кондакове написаны в легком стиле непринужденной безответственности. Речь идет только об отдельных страницах, пассажах, фрагментах, о некоторых идеях, тенденциях и выводах. Одно бесспорно: продукция Фолетти адресована читателю, который, не зная русского языка, не может составить собственное независимое мнение о качестве аргументации и методах известного в западном мире «кондакововеда».

А. Г. Цыпкина
Архив РАН (Москва)

Итоги и результаты Трапезундских экспедиций Ф. И. Успенского

Академик-византинист Ф. И. Успенский исследовал Трапезунд летом 1916 г. и летом 1917 г. Участники его экспедиции, однако, провели там гораздо меньше времени. Среди мероприятий по изучению города, предпринятых учеными, стоит выделить раскопки, в ходе которых были найдены (предположительно) мощи св. Евгения и останки трапезундского императора Алексея IV Комнина.

Некоторое количество времени было уделено изучению фресковой живописи (церкви св. Евгения, св. Софии, св. Анны, Дворцовой церкви). Тогда как материалы экспедиции по изучению живописи св. Софии могут быть интересны только с историографической точки зрения, фотографии фресковой живописи других храмов дают новый для историков материал.

Кроме того, по просьбе Ф. И. Успенского военным инженером М. Э. Керном были составлены планы акрополя Трапезунда с некоторыми измерениями. На фотографиях экспедиции были обнаружены три башни, две из которых не существуют более (кула Иоанна и Дворцовая), а третья – башня Мехмеда – дошла до наших дней в измененном виде и худшей сохранности.

Можно предположить, что башня Мехмеда II была построена с целью защиты, когда верхний город еще не потерял такого значения. Поскольку начало постройки среднего города относится к началу – середине XIV в., вероятнее всего, что эту башню можно датировать концом XIII в., что совпадает с анализом А. Брайера и Д. Винфилда кладки крепости. Исследователи относят кладку кулы к типу DI, что соответствует концу XIII в.¹

¹ *Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington, 1985. Vol. I. P. 192.*

«Для защиты города в южной части Кремля построена была царем Кало Иоанном огромная кула или башня...»¹, площадь Эпифания находилась перед ней. Эту «кулу» Ф. И. Успенский тоже предлагает датировать временем Иоанна II Великого Комнина, т. е. концом XIII в., тогда как Брайер и Винфилд относят кладку башни к типу F (1458/60)². Однако немногим после Ф. И. Успенский начинает себе противоречить, если мы правильно поняли, что речь идет об одной и той же башне: «Большие заложенные ворота можно видеть на южной стороне кремля против площади «Эпифания», отделенной скалистым оврагом от квартала св. Евгения, именно в громадной башне, бывшей ключом позиции до постройки «кулы», т. е. башни Иоанна. Здесь, на южной стороне башни, наблюдаются признаки заложенных и обведенных каменной стеной ворот» (Из Главы I «Очерков»). Если так, то кула Иоанна, с точки зрения Ф. И. Успенского, была построена позже башни Мехмеда III³.

«Необходимо принять во внимание, – также отмечал Ф.И. Успенский, – что постройки в Кремле ориентировались на западную восточную⁴ сторону в направлении к Константинополю. Чтобы <...> план дворца и жилых помещений, следует считаться с направлением фундаментов, сложенных из громадных блоков, характерных до Юстиниана для римской эпохи. <...> Ключ архитектурных и археологических проблем лежит в раскопках тех сооружений, которые идут на юг, к конечной башне, к куле Иоанна. На глубине 4–5 аршин⁵ можно здесь добраться до первоначального уровня, на котором строились старые здания и систематически подойти к дворцу»⁶, – писал об этой башне Ф. И. Успенский.

Что касается исследований акрополя, в черновиках Ф. И. Успенский упоминает, что за недостатком времени и невозможностью провести раскопки в Кремле в 1918 г. из-за изменившейся международной обстановки для написания «Очерков» ему приходится руководствоваться исключительно своими черновыми записями, сделанными в сентябре 1917 г.⁷, и непродолжительным общением с военным инженером М. Э. Керном. Для получения более точных

¹ Успенский Ф.И. Очерки истории Трапезундской империи. Л., 1929. С. 157. Кало Иоанн – Иоанн II Великий Комнин (1262/63–1297). Судя по внешнему виду, будущая башня Мехмеда II могла быть построена в то же самое время – в конце XIII в. В тех же «Очерках» Ф. И. Успенский утверждает, что акрополь «с северной и южной стороны был защищен, кроме того, башнями, возведенными еще раньше возникновения империи» (С. 154).

² Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments... P. 192.

³ Анализ кладки см.: Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments... P. 192.

⁴ Подписано сверху и тоже зачеркнуто.

⁵ 4 аршина = 2,84 м; 5 аршин = 3,55 м.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 5. 2 л. об.

⁷ Хотя в СПбФ АРАН и содержатся некоторые записи от сентября 1917 г. в записной книжке с названием «Поездка в Тарутино» (Ф. 116. Оп. 1. Д. 309), однако записей, посвященных крепости Трапезунда, там нет: возможно, они не сохранились.

данных требовалось бы «снять не больше трех аршин в глубину на пространстве небольшой площади»¹ (или 2,5–3,2 м в глубину – до первоначального уровня)², но не хватило времени.

Помимо архитектурной составляющей, экспедиция занималась и сбором рукописей: к концу пребывания Ф. И. Успенского в городе летом 1916 г. в мечети Орта Хисар, «пригодной под лучший ученый кабинет», византинист собрал библиотеку манускриптов и сохранившихся архивов края. Для описания рукописей пригласили востоковеда и полиглота, преподавателя восточных языков А. Е. Крымского. По собственной инициативе А. Е. Крымский летом 1917 г. составил также краткие описания посещенных им пещер.

Частично результаты экспедиций были представлены Ф.И. Успенским на заседаниях Академии наук и опубликованы в книге «Очерки истории Трапезунтской империи» (Л., 1929). Некоторые члены экспедиции опубликовали свои статьи с результатами, полученными в итоге Трапезундских экспедиций, в 20-е гг. XX в. в журнале *Byzantion*.

А. Ю. Чернов

Государственный исторический музей (Москва)

Почитание Богородицы в Константинополе и Москве в конце XIV–XV вв.

В конце XIV – первой половине XV в. Константинополь и Москва поддерживали тесные отношения. «Византийский фактор» сыграл важную роль в поддержании единства Русской православной церкви и приоритета Великого княжества Московского в деле воссоединения русских земель³. Этот фактор выражался не только в дипломатических усилиях митрополитов-греков, но и в переносе на русскую почву определенных церковных практик, имеющих большое идеологическое значение для агонизирующей империи. Главной и наиболее актуальной практикой было почитание Богородицы в образе Взбранной Воеводы, небесной защитницы христиан от нападений агарян.

В историографии не существует полноценных исследований, сравнивающих константинопольскую и московскую богородичные традиции. Крайне редко историки и искусствоведы объединяют усилия и рассматривают письменные и изобразительные источники вкуче. Между тем сопоставление греческих и русских памятников дает интересные результаты, позволяющие судить о начальном этапе рецепции поздневизантийской идеологии в Мо-

¹ *Успенский Ф.И.* Очерки истории... С. 7.

² Там же. С. 156.

³ *Малетю Е. И.* Средневековая Русь и Константинополь. Дипломатические отношения в конце XIV – середине XV в. М., 2018.